

Дебаты уже достигли состояния, когда должен был быть вынесен вердикт. Никто не осмелился ответить на острый вопрос, поставленный Эрлтоном, и если революционеры не ответят, то эти дебаты завершатся победой консерваторов.

Однако как раз в этот момент на место встречи неожиданно кто-то пришел.

Все обратили внимание на эту странную группу, состоящую из молодого человека с маленькой девочкой, а также оранжевого котенка. Казалось, что они не имеют никакого отношения к этой дискуссии, поэтому все недоумевали, зачем они сюда пришли.

— Это кто?

Эрлтон холодно посмотрел на Майка. Если бы эти дебаты могли завершиться из-за поднятого им вопроса, то его статус в мире ученых определенно повысился бы. Поэтому он, естественно, был весьма недоволен, когда его прервали на пороге славы.

— Разве это не тот повар со вчерашнего королевского банкета?

Эрма слегка запнулся, увидев Майка и Эми. Накануне он присутствовал на банкете по случаю дня рождения, поэтому естественно вспомнил их. Однако он не думал, что увидит их сегодня снова. Может быть, во время дебатов должна была быть подана еда, а его пригласили сюда готовить для всех?

— Именно, почему он пришел сюда, а не остался во дворце и не готовит для Его Величества? — Лирой нахмурился, глядя на Майка. Все революционеры также были сбиты с толку; кроме Байрона, никто из них даже не знал, кто такой Майк.

— Учитель Луна.

Эми помахала Луне, прежде чем поправить Гадкого Утенка, который собирался выскользнуть из ее рук.

— Эми, мистер Майк, — на нервном лице Луны появилась улыбка. Несмотря на то, что они опоздали, лучше было поздно, чем никогда.

— Извините, мы немного задержались по дороге сюда.

Майк извиняющимся тоном кивнул. Он не приготовил завтрак, и было довольно сложно выбрать, что поесть, поэтому в итоге они прибыли на место позже, чем предполагалось.

— Сюда, пожалуйста, мистер Майк, — сказал Байрон с улыбкой, вставая на ноги.

— Конечно, — Майк оставил Эми с Луной, прежде чем отправиться к Байрону.

Эрлтон был немного недоволен. «Что вы делаете, мастер Байрон? Дискуссия все еще продолжается; как мы можем позволить постороннему, не связанному с нами, прервать нас? Более того, он просто безграмотный повар! Может быть, вы пытаетесь найти повара, который поможет вам в этом споре?»

Все консерваторы разразились хриплым смехом, глядя на Майка с презрением в глазах. Если бы повар был опытным в области математики, то и их можно было считать поварами? Это было бы нелепо! — Мистер Майк не только шеф-повар, получивший награду за лучшее блюдо во время королевского банкета, он также был тем, кто предложил таблицу умножения Маами, и не

что иное, как его блестящий вклад сделал арифметику настолько простой для популяризации. Таким образом, он имеет полное право участвовать в сегодняшних дебатах, — Байрон повернулся к Майку с одобрением в глазах и спросил: «Как вы можете называть его посторонним, не имеющим отношения к делу? Кто из нас имеет больше прав на пребывание здесь, чем он? Он наш шестой оратор во время этих дебатов!»

Это он предложил таблицу умножения Мами?! Глаза Листера сразу же загорелись, услышав это.

Простая, но эффективная таблица умножения была наполнена поразительной мудростью и интеллектом. В душе Листера тот, кто предложил такой блестящий инструмент, несомненно, должен был быть старым и мудрым ученым. Кто бы мог подумать, что на самом деле это будет мужчина, сопоставимый с ним по возрасту?

Все остальные революционеры тоже были поражены этим.

Если бы не тот факт, что они были покорены блестящей таблицей умножения Мами, они бы не решили так быстро бросить корабль и поддержать десятичную систему. В конце концов, никто не хотел становиться бунтарем, если можно было этого избежать.

Таким образом, все они были ошеломлены тем фактом, что такой молодой человек предложил революционную таблицу умножения. Кроме того, он был еще и поваром?

Сияющая похвала Байрона немедленно заставила всех переоценить Майка. Его способность выиграть награду за лучшее блюдо во время королевского банкета уже указала на то, что он стоял на вершине кулинарного мира. Как мог такой кулинарный гений, как он, быть блестящим математиком?

Эрлтон взглянул на Майка с усмешкой: «Неудивительно, что так называемая таблица умножения такая грубая и некрасивая; оказывается, ее придумал повар! Я недооценил таблицу умножения. Если бы я знал, что это было предложено скромным поваром, я бы никогда не участвовал в этих дебатах».

Все консерваторы также выражали презрение. Все они были выходцами из знатных семей, и тот факт, что они были учеными, поставил их на пьедестал выше даже обычных дворян, не говоря уже о скромных поварах.

Даже революционеры начали терять доверие.

Байрон все это время не раскрывал им никакой информации о Майке. Таким образом, они даже не знали его возраста, не говоря уже о его профессии.

Для ученых, подобные им, это было немного абсурдно, что они борются так тяжело ради таблицы умножения, предложенной поваром.

— Простота — основа популярности. Это приоритет для базового образования, и от него зависит, легко ли его воспроизвести и есть ли потенциал для широкого использования, — Майк с улыбкой повернулся к Эрлтону и сказал: «Основы арифметики должны быть практическим навыком, а не каким-то глубоким искусством. Это просто шутка, что все вы пытаетесь усложнить навыки, которые могут быть освоены даже детьми, едва достигшими младенческого возраста. Все вы отчаянно лелеете свое хрупкое эго и пытаетесь создать себе искусственный пьедестал, чтобы продолжать чувствовать свое превосходство над всеми остальными. Однако этот пьедестал будет разрушен десятичной системой счисления и таблицей умножения».

Майк с презрительной усмешкой посмотрел на пятерых пожилых мужчин в белых одеждах на сцене и продолжил: «Вот почему вы напуганы. Вы ошеломлены тем, что эти «невежественные» простолюдины однажды смогут легко вычислить ответы на вопросы, на которые вам придется кропотливо потрудиться. Не приятно, когда вашему хрупкому эго угрожают, не так ли?»

Выражения всех консерваторов изменились в унисон. Слова Майка были подобны острым лезвиям, впивающимся в их кожу, заставляя их чувствовать себя очень неудобно.

Перемена действительно вызывала страх и беспокойство среди людей. Страх неизвестности заставил консерваторов насторожиться, и они предпочли бы оставаться в своих собственных зонах комфорта. Таким образом, независимо от того, насколько превосходна была эта десятичная система счисления, они настаивали на том, чтобы лишить ее места под солнцем, чтобы на них и дальше смотрели массы снизу вверх.

Напротив, у всех революционеров сразу загорелись глаза. На протяжении всей дискуссии консерваторы постоянно издевались над ними. Все пятеро пожилых людей в белых одеждах были чрезвычайно уважаемыми учеными, поэтому никто не осмеливался прямо упрекать их. Однако Майк не испытывал таких сомнений, и его резкая тирада чрезвычайно удовлетворила всех революционеров.

Эрлтон был так взбешен, что его борода дрожала, когда он указал на Майка. «Вы... Вы... Это полная чушь! Если ребенок сможет решить задачу на умножение двузначных чисел, я сразу уйду на пенсию! Однако, если вы просто несете чушь, тогда я открою всему миру, что ваша таблица умножения — не более чем куча мусора!»